АЛЕКСАНДР
ДЕРВИШ

КОВЧЕГ

ЗАПИСКИ КРАПЛЁНОГО

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Д 36

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрация на обложке Сергея Орехова

Дервиш А.

Д 36 Ковчег : Записки Краплёного : роман / Александр Дервиш. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 272 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-34842-4

Краплёный, позывной Краб, давно списан на берег после ранения и в компании двух-трёх прежних сослуживцев живёт мирной жизнью.

На сторонний взгляд, эта жизнь выглядит странновато. Но здесь никого не удивляет ни океан, окружающий сушу, ни то, что где-то в дальних акваториях доблестные эскадры Ковчега ведут отчаянные сражения за острова Утиные и архипелаг Тюлений.

Команда старых друзей нашла себе хорошую работу: оказывает услуги по освобождению выморочных квартир. Вывоз никчёмного хлама приносит достаточный доход. Дело идёт своим чередом. Но появляется клиент с необычным заказом, при исполнении которого Краплёный вылавливает бутылку с запиской...

Живой язык и лихо закрученный сюжет не оставляют шанса остаться в стороне. Читатель словно слышит шум моря за окном и примеряет чужие судьбы на себя — настолько они узнаваемы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© А. Дервиш, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34842-4

Автор выражает глубокую признательность капитану 1-го ранга Николаю Павловичу Кораблёву, без неоценимых советов которого эта книга не могла быть написана.

И осмоли его смолою внутри и снаружи.

Бытие 6: 14

Предуведомление издателя

Выпуская в свет настоящие «Записки», издательство *George Faulkner Publishing House* полагает необходимым сделать несколько важных замечаний.

Возможность ознакомиться с рукописью предлагаемой ныне книги нам предоставил коммандер Джозеф Свифтсон, за что мы выражаем ему горячую благодарность как от своего имени, так и от имени всего читательского сообщества.

По словам коммандера, при патрулировании Северных берегов восточных акваторий вперёдсмотрящий правого борта обнаружил на расстоянии около двух кабельтовых неизвестный металлический предмет округлой формы, находящийся на плаву.

Сочтя его сторожевым буем сорвавшейся с якоря глубинной мины, вперёдсмотрящий правого борта сообщил об опасности на мостик. Капитан корвета немедленно дал команду на совершение соответствующего манёвра.

Тем временем старшине первой статьи Морвеллу удалось детальнее рассмотреть

объект. На его взгляд, впередсмотрящий правого борта совершил ошибку (впрочем, вполне простительную в условиях шторма); на самом деле в указанном месте наблюдается не буй глубинной мины, а пивной кег, судя по его плавучести пустой и плотно закупоренный.

Последовавший отбой тревоги означал автоматическое отнесение ранее не разъяснённого предмета к разряду мусора, что не могло не привести к полной утрате интереса к нему со стороны командования корабля.

В результате судьба кега должна была сложиться самым печальным образом: скорее всего, ему предстояло ещё некоторое время носиться по волнам, а в конце концов всё-таки утонуть или в лучшем случае упокоиться в песчаной толще какого-нибудь дикого пляжа. Можно лишь благодарить счастливое стечение обстоятельств, в результате которых он оказался на борту корвета.

С некоторым трудом отвинтив крышку, коммандер Джозеф Свифтсон с удивлением обнаружил в сосуде стопку исписанных от руки страниц, совершенно не повреждённых морской водой, — то есть ту самую рукопись, которая, пройдя соответствующую редактуру и подготовку, ныне вышла из печати и предлагается вниманию читателя.

Следует сказать также, что автор не предпослал тексту заглавия: либо потому, что не считал свой труд достойным такового, либо предполагал продолжить работу над книгой (что, на наш взгляд, судя по общей неряшливости написанного, куда менее вероятно), а уже доведя дело до конца и добившись некоторого литературного совершенства, на недостаток которого ныне можно только посетовать, приискать подходящее название. Издателю пришлось взять эту ответственность на себя, однако он спешит уверить, что нынешний заголовок является весьма условным.

Вряд ли стоит говорить, что рукопись страдала от множества ошибок как грамматического, так и орфографического характера, — которые, разумеется, были выправлены нами на этапах редактирования и корректуры. Кроме того, текст не был структурирован. В интересах удобочитаемости издатель взял на себя смелость разделить манускрипт на главки, более или менее отвечающие контексту. Также следует отметить и то, что попытки атрибуции включённых автором в основной корпус сторонних текстов, именуемых им «Записками», не увенчались успехом.

Возможно, что, несмотря на самое искреннее стремление издателя к профессиональному совершенству, в данном случае

ему не удалось достичь такового в силу сложности работы. Если вышедшая из печати книга вызовет интерес и заслужит одобрение, издатель намерен во втором издании устранить те шероховатости, что, увы, пока ещё существуют в первом.

Так или иначе, уже сейчас читатель имеет возможность ознакомиться с целокупным корпусом «Записок», найденных в пивном кеге.

1, ИЛИ ПРОЛОГ

Проснулся я нехорошо — будто от удара током или пощёчины.

Но проснулся вовремя.

Потому что стоило мне вспомнить события прошедшей ночи и подумать, что скоро позвонит Марта (непременно позвонит, кому ещё ей звонить?), как на тумбочке запиликал телефон.

Я посмотрел.

Ну да.

Я уже успел понадеяться, что это случится позже. Тогда хоть умыться бы успел.

Но нет. Сейчас.

— Алло! Марта?

— Да, Краб, — ответила она. — Это я. Извини, что в такую рань. Тут...

Она замолчала.

— Что такое, Марта? — обеспокоенно спросил я.

Стоит ли говорить, что обеспокоенность моя была несколько наигранной.

— Зубца убили!.. — со всхлипом ответила она.

2

В иных обстоятельствах я на этого типа не обратил бы никакого внимания.

Роста невысокого, сложения нормального, даже, скорее, субтильного. Длинный плащ защитного цвета. На голове капюшон. Тёмные очки — это притом, что ртутный пятак солнца едва проглядывает в прорехи непраздничных облаков. Но мало ли. Куриная слепота или что там. Стоит расслабленно — локти на планшире, смотрит вдаль. То есть бездельничает. Потому что в той дали никакого дела быть не может. И ничего примечательного там не увидишь. Ровное однообразие, день ото дня неизменный вид.

Ну, не совсем неизменный — конечно, кое-какие детали меняются. Когда погуще синева — в свинцовость, когда пожиже — в голубизну. Когда подале окоём, когда поближе. Когда пара чаек рассекает, когда альбатрос. Но если в целом, то всё та же, давно намозолившая глаза серо-сизая ширь. Сверху — вода: низкие, клокастые, набрякшие влагой тучи, пресная морось. Снизу —

та же вода, но солёная. У горизонта солёная выглядит гладкой. Чем ближе к борту, тем она горбатей. И верхушки волн в белёсой пене.

А он стоит и смотрит. Совершенно бессмысленное занятие. Да ведь тут дело какое: кто куда хочет, туда и таращится. Так что в иных обстоятельствах я прошёл бы, не глянув.

Но ветер напирал с правого траверза, и, чтобы прикурить, мне пришлось на секунду запнуться. Я сгорбился, пряча в ладонях огонёк, пыхнул дымом и, сунув в карман зажигалку, начал уже вышагивать из-за лебёдочного кожуха, за которым случайно оказался, как вдруг он выпростал что-то из тряпичной сумки — и тут же за борт! Я от неожиданности присел, а он одёрнул покоробленный плащ и пошагал в сторону полубака, как ни в чём не бывало помахивая пустой кошёлкой.

Выждав минутку, я двинулся следом.

Сигарета горела быстро.

Перед дверями кокпита я бросил окурок за борт — примерно так же, как полторы минуты назад он кинул туда бутылку.

* * *

Первое движение, с которого началось моё преследование, было почти бессознательным: так котёнок прыгает за бумажкой

на бечёвке. Сравнение хорошее, однако всё же я не котёнок. Не к лицу мне, здоровому мужику без малого сорока лет, скакать по-котёночьи. Если бы он выкинул пакет из-под чипсов, сигаретную пачку, пластиковый стакан, вообще что-нибудь такое, от чего всякий в любую секунду может захотеть избавиться, я бы и ухом не повёл. Даже если бы пришла ему смелая мысль швырнуть в волну один из своих башмаков, меня бы это не взволновало. Мало ли какие идеи подчас посещают нас, по жизни неуравновешенных.

Но бутылка!

Ладно бы это была пивная. Тоже объяснимо: задрал человек голову на манер горниста, поднеся к губам вместо мундштука трубы горлышко опустелого сосуда, слизал последние капли и тут же — швырк! За каким лядом тащить с собой порожний хрусталь? Но он достал её из кошёлки. То есть нарочно принёс, чтобы кинуть!

Это не укладывалось в обыденную схему. Если ты стал обладателем пустой бутылки, ты не понесёшь её аж на Верхнюю палубу. Полно кругом мусорок, кое-где специальные контейнеры для стекла попадаются... если дело на детской площадке идёт или в парке на скамейке, так можно, в конце концов, и в кусты швырнуть.

А тут вон чего: приносит в кошёлке, стоит сутулится, якобы озирая дали, потом быст-

ро, как кошка лапой, — бульк! Следовательно, бутылка — не просто бутылка. А бутылка с запиской. Никак иначе всей несуразности увиденного не объяснить. Но если так, его деяние подпадает под 209-ю. Передача сведений врагу расценивается как предательство и карается по всей строгости. От обычной двушечки, при отсутствии отягчающих, до, если верно помню, пожизненного.

Размышляя об этом, я следовал за ним в некотором отдалении.

Минут десять мы шли по нисходящим галереям палубных ярусов. Миновав один за другим четыре серии пандусных переходов, оказались в пространствах гулких пакгаузов. Причудливым зигзагом прошив их ступенчатые ряды, вышли на грузовую площадку. Расставленные в более или менее шахматном порядке трёхметровой высоты контейнеры тянулись в обе стороны, на сколько хватало глаз. Кажется, это была ГП «двадцать восемь». Не то «двадцать девять». Впрочем, я вечно в них путаюсь, может, и ГП «тридцать». Выбравшись из железного леса кранов, тянущих к хмурому небу гусиные шеи, мы, петляя между буграми свалок, поросших клочковатым бурьяном, просквозили метров шестьсот неряшливого пустыря. Вернувшись в пределы кое-какой цивилизации, пробрались к боковым дорожкам Пионерского. Выйдя

на Центральную аллею, прочесали парк насквозь и оказались в начале Кессонной, откуда уже рукой было подать до проспекта Акванавтов с того конца, где памятник Неизвестному адмиралу.

Честно сказать, будь моя воля, я уже сел бы на автобус. На площади Адмиралов были конечные остановки множества маршрутов, даже до Бакла́нова кладбища отсюда можно было добраться, а это совсем уж под чертями.

Но этот чудик, кроме приверженности к бросанию бутылок, был ещё, судя по всему, оголтелым любителем пеших прогулок. Такой не успокоится, пока не стопчет ноги до колен. Так что с Акванавтов мы лёгкой охотницкой походкой свернули на Флагманскую, потом двинулись по Семикабельтовой, а за пантеоном Пятисот Пятидесяти Пяти Героев поворотили к Маяко́вой горке.

Я всё менее понимал, за каким лядом за ним тащусь. Меня ждали дела, а вовсе не подростковые игры в разведчиков. Я шёл, злясь на себя за бездарную трату времени. Но ведь тут как с трамваем: если прождал полчаса, то вместо того, чтобы за десять минут дойти пешком, будешь и дальше стоять, чертыхаясь: дело-то, как говорится, заехано!..

Собственно, мной двигала смутная надежда установить с ним какой-нибудь кон-

такт. Ну, говоря простым языком, познакомиться, что ли. Не каждый день встречаешь таких, кто вместо того, чтобы оставлять бутылки в специально отведённых для этого местах, кидает их в море, предварительно, как я был уверен, снабдив запрещёнными записками. Я, например, впервые со столь загадочным персонажем столкнулся — а меня с детства влечёт всё загадочное.

Теоретически я мог бы его просто окликнуть. Дескать, погоди, земеля, прости, можно тебя на пару слов. Извините, мол, не скажете ли... Ну, что угодно. Тут ведь главное — зацепиться. Можно и прямо в лоб. Дескать, вы давеча бутылочку за борт кинули, так разрешите поинтересоваться...

Совершенное идиотство.

Кроме того, нельзя было исключить и того, что это провокация. Один кидает бутылку — якобы с запиской, а другой, заведомо зная, что деяние бросальщика подпадает под 209-ю, тащится следом. Зачем тащится? Наверняка хочет вступить в контакт с преступным элементом. А с какой целью, позвольте спросить? Из желания стать сообщником? Или, как минимум, найти единомышленника?..

В пользу провокации говорило и то, что затея сама по себе была совершенно нелепой. Ну допустим, всё так и есть: в бутылке

записка, честно, на голубом глазу написанная записка, созданная без участия ФАБО, более того — втайне от него. Вот он её кинул. И что? Куда она приплывёт? Скорее всего, никуда: волна шарахнет ею о борт — и поминай как звали. Но даже если нет. Даже если течения утащат бутылку в дальние акватории. Там каким-то чудом выловят, извлекут послание. Что должно в нём быть написано? «SOS»? «Здравствуйте, братья по разуму»? «Пишу с Ковчега, здесь всё хреново»?

Нет, без ФАБО тут точно не обошлось. Случайно заметивший нарушителя не станет так глубоко копать: куда бутылка, зачем бутылка, каковы шансы и тэ дэ. Он просто сгоряча двинется следом, как я двинулся — в первый момент бессознательно, и попадёт в силки.

Размышляя об этом, я незаметно пытался понять, не следят ли за мной самим.

А у моего преследуемого, судя по его беззаботности, мысли о возможной слежке не возникало. По сторонам он не смотрел, не задерживался у витрин, чтобы бросить за плечо настороженный взгляд. В целях маскировки я оставлял между нами то афишную тумбу, то мороженный киоск, которые, буде всё-таки придёт ему в голову озаботиться безопасностью, временно скрыли бы меня от его взгляда, — но эти мои ухищре-

ния, кажется, были излишни. А там — кто его знает.

В общем, я не понимал, что делать дальше, и просто тупо плёлся следом. Была надежда, что удастся проводить его до дома, узнать, где живёт. А когда-нибудь потом выйти на контакт — для начала тем или иным способом уверившись, что он не подсадная утка, за которой из-за куста следит охотник.

Но чем дальше мы шли, тем больше я сомневался, что он идёт домой. Мало ли какие надобности — магазин, мастерская. Не исключено, в конце концов, что он, как и я, шёл на работу.

Оттого что шансов на удачу становилось всё меньше — по крайней мере, так я предчувствовал, — мне стало грезиться, как ловко можно было бы разведать адрес.

Допустим, мы приходим к подъезду. Это уже много, но что дальше? Если его квартира не на первом этаже, не впираться же за ним в кабину лифта?..

Тогда так: вот он уже у парадного... дождавшись хлопка подъездной двери, я стремглав подбегаю — и о чудо: домофон сломан, вход свободен!.. Я влетаю в предбанник — а лифт не гудит, зато на лестнице слышны быстрые шаги!.. Я на цыпочках за ним... и тут на третьем этаже хлопает дверь!.. Уже не таясь, я взбегаю туда и — ещё одно чудо:

на одном из дверных половичков видны отчётливые отпечатки мокрых подошв!.. Попался!..

Не знаю, откуда взялся в моём взбудораженном воображении образ мокрых подошв: дождя не наблюдалось. На палубе ещё моросило, это правда, но ни в галереях надстройки, ни на улицах ничего похожего не было.

Поэтому, кстати, то, что он и здесь не откинул капюшон, было странно. Шифруется. Всё-таки шифруется. Кинул бутылку, теперь скрывает личность. Знает кошка... Может, и то, что слежки не заметил, показуха.

Недалеко уже было до площади Доблестных Флотов, когда в кармане зажужжал мобильник.

— Здорово, Витёк, — сказал Зубец. — Ты где задевался?

— Здорово, — ответил я. — Извини, непредвиденные обстоятельства. Скоро буду. Начинай без меня... Семёну скажи, чтоб за коробками двигал... Ещё не приехал?.. Ну так позвони ему... Как это — нет номера?.. Ладно, не важно, сейчас сброшу. Всё, пока.

Я на секунду отвлёкся, чтобы нажать пару-другую клавиш, а когда снова вскинул взгляд, длинного плаща в поле зрения не оказалось.

Озираясь, я ускорил шаг, надеясь вернуть упущенное. Но здесь, у площади, ки-

пела утренняя суматоха: народ густился, каждый третий был в плаще, а кое-кто и в капюшоне. Подваливали новые автобусы. Зев метрополитена жадно заглатывал вонзные толпы.

Вдобавок к досаде я испытывал и некоторое облегчение: надоело крутить башкой в попытках понять, не следят ли за мной самим.

Чтоб тебя!..

Я задержался у киоска купить сигарет, напоследок оглянулся и, не заметив ничего особенного, влился в пассажиропоток.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСАНДР ДЕРВИШ
КОВЧЕГ. ЗАПИСКИ КРАПЛЁНОГО

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Нина Писковитина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.10.2026.
Формат издания 84 × 96 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 12,67. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-44291-01-R